

Белова Ирина Борисовна

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: 1921 Г.

В статье с привлечением новых источников центрального и региональных архивов анализируется положение беженцев Первой мировой войны в Центральной части Европейской России в первый год после окончания Гражданской войны. Автор впервые освещает основные недостатки организации эвакуационного процесса как одной из причин стихийного движения беженских масс, практику Центральной власти по противодействию несанкционированному передвижению пришлого беженского населения и её безуспешность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 26-29. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 947; 94/99

В статье с привлечением новых источников центрального и региональных архивов анализируется положение беженцев Первой мировой войны в Центральной части Европейской России в первый год после окончания Гражданской войны. Автор впервые освещает основные недостатки организации эвакуационного процесса как одной из причин стихийного движения беженских масс, практику Центральной власти по противодействию несанкционированному передвижению пришлого беженского населения и её безуспешность.

Ключевые слова и фразы: беженцы Первой мировой войны; Центральное управление по эвакуации населения; плановая реэвакуация; стихийное движение; демобилизованные из Красной армии беженцы; голод; эпидемии.

Ирина Борисовна Белова, к. ист. н.

Кафедра отечественной истории

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского

irina-25.01@mail.ru

ПОЛОЖЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: 1921 Г.©

Вопросы реэвакуации беженцев Первой мировой войны из Советской России начали изучаться отечественными историками с конца 1990-х годов. Н. В. Лахарева впервые на примере Курской губернии прослежена судьба беженцев Первой мировой войны в Советской России до завершения их реэвакуации в 1924-1925 гг. [16]. По заключению В. С. Утгоф, Советское правительство мало заботилось о беженцах. Только в 1921 г., после подписания мирного договора с Польшей, основная часть беженцев-белорусов получила возможность отправиться на родину, но теперь уже в другое – Польское государство [18].

С весны 1921 г. местные эвакоорганы губерний Центральной России продолжили работу, связанную с переселенческой кампанией, начатой летом 1920 г. В районы Сибири доотправили переселенцев, зачисливших за собой земли в 1920 г. и ликвидировавших свои хозяйства [1, д. 346, л. 18 об. - 19]. Осуществлялись перевозки рабочих на производства государственного значения [2, д. 75].

С начала 1921 г. была продолжена регистрация, оформление эшелонных списков и отправка в Латвию, Литву, Эстонию, начавшаяся ещё в августе 1920 г. Центральное управление по эвакуации населения (Центрэвак) предписало закончить регистрацию беженцев Латвии в Европейской России 1 июля, а в районах Сибири – 1 августа 1921 г. [8, д. 50, л. 8].

В деле оповещения об отправке и доставки до железнодорожной станции посадки уездные управления по эвакуации населения (уездэваки) полагались на волостные исполнительные комитеты (волисполкомы). Оплата доставки обычно задерживалась по причине отсутствия средств, поступавших из Центрэвака, кроме того, государственные расценки не устраивали местных крестьян-«подводчиков», т.е. наблюдались те же сложности, что и в 1920 г. Начать эвакуацию с самых неимущих, к примеру, в Орловской губернии не удалось – не смогли найти подводы для доставки беженцев к железнодорожным станциям. В городе Орле, в бараках губернского управления по эвакуации населения (Губэвак), в антисанитарных условиях беженцы с марта 1921 г. два месяца ожидали реэвакуацию. В мае Губэвак ещё раз попытался получить наряд на их отправку, мотивируя просьбу необходимостью освободить бараки для других бездомных [9, д. 192, л. 21]. 200 беженцев из Ельца, измученные голодом, умоляли отправить их как можно скорее. «Ибо смерть стоит перед нашими глазами», – писали они [7, д. 184, л. 214]. В этих словах не было преувеличения, т.к. все источники свидетельствуют, что смертность среди городского населения в 1917-1920 гг. была огромной и определяла общую убыль населения страны, составившую за указанный период с осени 1917 г. к 1921 г. почти 11 млн человек [17, с. 97-98, 107].

По предписанию правительства латышские стрелки, уволенные из Красной армии, желавшие выехать в Латвию, подлежали отправке в первую очередь. До отправки им следовало оказывать материальную поддержку и «ни в коем случае не отбирать у них одежду и обувь, заменяя её негодной». На очередь латышей, бывших красноармейцев, поставили, но с жильём и продовольствием было катастрофически плохо (как и с паровозами, вагонами, топливом и пр.). «Настроение ухудшается, и разрушается вся агитационная работа (концерты, митинги, спектакли)», – сообщал уполномоченный представитель Латышскому отделу ЦК РКП [12, д. 7, л. 12, 16]. Одновременно с ведома Центрэвака военнослужащие Красной армии не имели возможности зарегистрироваться и попасть в эшелонные списки для отправки в новые Прибалтийские государства. Такую возможность имели лишь уволенные из Красной армии в бессрочный отпуск [2, д. 94]. К примеру, военнослужащий 6-й стрелковой дивизии Ю. Клевинский не смог уехать в Литву из Орла с эшелонном в июле 1921 г. Когда военнослужащий обратился с заявлением в Орловский Губэвак, началась переписка, которая в феврале 1922 г. ещё не была завершена [12, д. 11, л. 19]. В марте 1921 г. участник Первой мировой войны с 1914 по 1918 гг., затем советский служащий Я. Паул, добиваясь отправки на родину, в Ригу, сообщал в Центрэвак из Воронежской губернии (г. Бутурлиновка), что с августа 1920 г. было отправлено на родину минимум 4 эшелона беженцев Латвии, что ему никто не сообщал об этом и что ему очевидна преднамеренность в этом деле, несмотря на «непрерывную добросовестную службу в Советских учреждениях». В отличие от других Ян Паул не получал во время службы ни мануфактуры, ни обуви. Жить по рыночным ценам ему и его семье было просто невозможно [10, д. 239, л. 166].

В ноябре 1921 г. уполномоченный по делам беженцев Латвии направил в Центрэвак письмо, в котором указал на «повсеместное» наличие латышских беженцев, по разным причинам ещё не выехавших на родину. При этом местные эвакуоорганы отказывали им в отправке в Москву на предмет реэвакуации на родину, ссылаясь на отсутствие соответствующих распоряжений Центра [12, д. 7, л. 24].

С приближением весны 1921 года вновь усиливается *самодвижение* беженцев в западном направлении. Беженцев не останавливали никакие запреты, в т.ч. перспектива быть задержанными в пути с заключением в концлагеря – там они рассчитывали, по крайней мере, иметь за работу пищу [9, д. 206, л. 17]. Картину беженского самодвижения в начале апреля 1921 г. описал один из воронежских уездных эваков: «Беженцы, затравленные голодом, оборванные, обманутые в надежде на скорое возвращение домой, обезумевшей волной движутся по направлению к родному краю. Самовольно снимаясь с мест, они забивают железнодорожные станции, создавая очаги заразы. Нет никакой возможности бороться против живой стихийной массы, стремящейся к заветным гминам» [Там же, л. 20]. Находясь на пути этого самодвижения и наблюдая «бессилие Центра правильно организовать дело», Губэвак Воронежской губернии, где находилось до 30 тысяч беженцев, предлагал Центру отправлять беженцев *регулярно* и *отовсюду*, не придерживаясь зональной очерёдности, установленной ранее в других условиях, пусть и небольшими партиями. Это обнадеживало бы беженцев, и процесс ожидания отправки проходил бы спокойнее. В Воронеже (и не только там) были уверены, что во избежание катастрофы «не следует дожидаться, когда *вся* беженская масса двинется на Запад». Предлагалось также упростить порядок реэвакуации «грунтовым путём», когда по каждому случаю требовалось разрешение Центра, на что уходила масса времени. В результате беженцы ехали без разрешения, а когда их задерживали по дороге, продавали лошадей и дальше следовали по железной дороге, не взирая на запреты. Упрощение процедуры гужевого движения способствовало бы разгрузке железных дорог [10, д. 239, л. 81, 82, 88].

31 января 1921 г. Совет труда и обороны обсуждал вопрос о катастрофическом положении железных дорог. В апреле Ф. Э. Дзержинский был назначен наркомом путей сообщения, одновременно Совет народных комиссаров принял постановление об усилении борьбы с проездом мешочников по железным дорогам. Через две недели Ленин обратился к Дзержинскому по этому же вопросу борьбы с мешочничеством, препятствовавшим нормальной работе транспорта [13, с. 578; 14, с. 520, 522, 528].

Главноуполномоченный Центрэвака в Западной области в конце апреля 1921 г. высказался за необходимость проверки *всех* без исключения поездов при участии представителей Центрэвака на железнодорожных станциях «Витебск», «Гомель», «Жлобин», «Орша», «Смоленск» [9, д. 207, л. 25 - 25 об.]. Смоленскому Губэваку было предложено усилить работу по осмотру пассажирских поездов, прицепных вагонов к воинским поездам, задерживая «незаконных» беженцев [Там же, л. 15]. В итоге в середине июня 1921 г. в Смоленске скопилось и простаивало 165 вагонов с беженцами [10, д. 239, л. 727]. В Смоленске находились польские заложники, вопрос обмена по ним Центрэваком долго решался и на 1 сентября 1921 г. решён ещё не был [9, д. 207, л. 46]. Однако поезда в западном направлении продолжали прибывать без разрешения Центрэвака. Так, 24 августа 1921 г. без документов и списков прибыли два эшелона из Бугуруслана и Оренбурга (1 600 и 1 540 человек соответственно), из Самары (1 500 человек), Воронежа (1 351 чел.) [Там же, л. 141]. К 1 октября 1921 г. количество прибывающих в район приграничной полосы беженцев Польши продолжало расти за счёт охваченных голодом губерний. Часть из них нелегально добиралась до польской территории, но остальных польские пограничники стали возвращать [Там же, л. 54].

24 февраля 1921 г. в Риге между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей, с другой, было заключено Соглашение о репатриации. Учреждались две смешанные комиссии (в Москве и Варшаве) из двух делегаций каждая. Регистрация и составление эшелонных списков возлагались на учреждения отправляющего государства. Реэвакуации в первую очередь подлежали нетрудоспособные. Начало отправки – не позднее двух недель со дня образования смешанных комиссий. Соглашение не подлежало ратификации и вступало в силу с момента его подписания [15, с. 686]. Мирный договор был заключён 18 марта 1921 г. [Там же, с. 618].

Инструкцию о порядке регистрации и составления эшелонных списков беженцев, происходящих из местностей, отошедших по Рижскому мирному договору от 18 марта 1921 г. к Польской республике, уездэваки получили летом 1921 г. В инструкции перечислялись эти местности, например Гродненская губерния, за исключением г. Гродно и уезда, Новогрудский и Пинский уезды Минской губернии, а также целый ряд других бывших российских территорий. Уездэвакам предписывалось приступить к новой регистрации уроженцев этих местностей, имеющих об этом «несомненные документальные доказательства»: паспорта, беженские книжки от бывшего Татъянинского комитета, Земгора, приказы о выселении с места жительства, регистрационные беженские карточки Наркомата по национальным делам до 1 января 1919 г. Кроме того, следовало принимать за доказательство свидетельства, квитанции, книжки Государственной сберегательной кассы и другие бумаги, выданные в прежнем месте постоянного жительства.

В специальном параграфе Инструкции отмечалось, что беженцами не могут считаться лица, которые исключительно на основании своей официальной должности проживали на территории нынешней Польской республики, не являясь её уроженцами. При перерегистрации документы беженцев следовало оставлять в уездэваках и затем доставлять их в Губэвак. К беженцам приравнивались бывшие военнопленные, находившиеся на тот момент на территории РСФСР, проживавшие до начала Первой мировой войны в указанных местностях. О регистрации беженцев, не имеющих требуемых документов, в инструкции было сказано, что на этот счёт последует особое распоряжение. Последовавшее распоряжение состояло в том, что уездэваки должны были составить списки таких беженцев и предоставить их в Центрэвак. При этом следовало указать тех лиц на родине, которые могли бы сообщить о каждом из беженцев как можно больше [Там же]. По этому вопросу, к примеру, 6 мая 1921 г. общее собрание беженцев Польши и Белоруссии, проживавших в Ельце

Орловской губернии, постановило, что на не имеющих требуемых документов будут составлены и переданы Губэваку списки с приложением к ним удостоверений «от вполне известных беженцев», подтверждающих личность и право на реэвакуацию таких беженцев [5, д. 184, л. 418 - 418 об.]. Кроме того, собрание решило направить в Центрэвак и смешанную польско-русскую комиссию своего делегата В. Е. Остапчука с поручением выяснить вопрос о реэвакуации беженцев, находящихся в Красной армии.

Например: «Гражданин Болеслав Владимирович Деликовский из граждан Волковыска Гродненской губернии, проживающий в с. Полотняный Завод, отправляется на родину со своей семьёй из четырёх душ гужевым путём на своей лошади, вывезенной из Гродненской губернии» [2, д. 90]. Ещё один пример удостоверения: «Сие дано беженцу из Слонимского уезда Гродненской губернии Максиму Иосифовичу Битуну в том, что имеющаяся у него лошадь, корова, швейная машина и самовар принадлежат ему. Они вывезены при эвакуации из Гродненской губернии в 1915 г.» [4, д. 4]. В уездэваках беженцам объясняли: «Ходатайствуйте к нам. Мы – в Губэвак, Губэвак – в Центр. Разрешает *Центр*, а без соблюдения этой формы никакая отправка гужевым порядком быть не может» [5, д. 184, л. 367]. Замнаркомвнудел М. Владимирский в своём отношении от 28 июля 1921 г. высказался по этому вопросу несколько иначе: «Если имущество вывезено при эвакуации, заявления подаются в местные земотделы и пересылаются в Центрэвак» [4, д. 2].

При проведении перерегистрации обнаруживалось, что половины и более беженцев уже не было в местах временного водворения [Там же, д. 4]. Например, перерегистрация, проведенная в Мещовском уезде Калужской губернии, показала наличие 240 беженцев из Гродненской губернии, размещённых в г. Мещовске и восьми уездах [3, д. 1, л. 322-330], хотя летом 1918 г. здесь зарегистрировались более 660 беженцев из Пружанского и Волковысского уездов Гродненской губернии [11, д. 35, л. 55, 66]. Медынский уездэвак с августа до конца 1921 г. оформил документы для отправки в Польскую республику более 300 уроженцев Гродненской губернии. В процессе этой работы выяснилось, что у 20 уроженцев Гродненской губернии, а также Холмской, Курляндской и Виленской не было документов, поименованных в инструкции, которые требовала польская сторона [2, д. 94]. Список этих беженцев был направлен в Центрэвак. В других уездах наблюдалась аналогичная картина. Так, в Жиздринском уезде не смогли зарегистрировать беженца из Слонимского уезда Гродненской губернии Семёна Ивановича Иванова с семьёй из пяти человек. Беженцам, оказавшимся в такой ситуации, и вообще всем желающим для улучшения их материального положения приказом Центрэвака от 9 августа 1921 г. была предоставлена возможность переехать к родственникам в пределах РСФСР [Там же].

Из Орловской губернии первый эшелон с беженцами в Польшу (1 327 человек) был отправлен 19 июля 1921 г. [9, д. 192, л. 77]. Из Малоархангельского уезда 200 беженцев из 680 отправили в Польскую республику в конце октября 1921 г. [6, д. 2, л. 194]. Беженцы из г. Ельца, которых никак не отправляли, 6 сентября 1921 г. послали в Центрэвак прошение, где писали, что Орловская губерния получила всего один наряд на вагоны в 1921 г., беженцев Ельца туда не включили, что один пуд дров стоит 4 тысячи рублей, да и то их нет на рынке. Пуд муки – 100 тысяч рублей, мера картофеля – 40 тысяч рублей. Пайка не выдают, зарплата – 2-3 тысячи рублей. Количество беженцев в г. Ельце – 1 тысяча, в уезде – 2 тысячи. Беженцы просили и умоляли дать наряд на три эшелона или хотя бы один для города. Данное прошение доверялось вручить беженцу Станиславу Камильевичу Янишевскому [5, д. 184, л. 825-826].

Как непросто проходил процесс реэвакуации, можно видеть на примере Жиздринского уезда Брянской губернии. В начале 1921 г. Жиздринский уездэвак запросил вышестоящий Губэвак о сроках реэвакуации. Ответ пришёл в начале марта: «Губэвак пока такими сведениями не располагает». Позже была объявлена отправка в Латвию на 29 марта, но она была приостановлена, как оказалось, до июня. С 8 апреля была объявлена перерегистрация, выявившая отсутствие в уезде половины беженцев. Состоявшийся в начале мая очередной 12 уездный съезд Советов проголосовал за ходатайство перед Губисполкомом, Губэваком и Центром о включении беженцев Жиздринского уезда в *первую очередь* отправки их на родину. Ходатайство было направлено, и по нему принято положительное решение. В начале июля Жиздринский уездэвак получил сообщение, что в начале августа 300 беженцев будут отправлены. 2 августа наряд на отправку действительно был получен вышестоящим Брянским Губэваком, списки жиздринских беженцев были готовы и завизированы польской стороной, однако весь эшелон оказался заполнен беженцами г. Брянска и Брянского уезда (1 тыс. человек).

Жиздринский исполком сразу же сообщил об этом нарушении в Центрэвак с просьбой отправить жиздринских беженцев, уже снявшихся с мест. 4 сентября состоялось собрание беженцев, на котором присутствовали члены Жиздринского уисполкома. В итоге в Центрэвак было направлено ещё одно ходатайство об отправке, удовлетворённое Центрэваком, который распорядился о предоставлении вагонов для жиздринских беженцев к 10 сентября. Главе семьи разрешалось провезти 8 пудов багажа, взрослому члену семьи – 5, детям до 10 лет – по 2 пуда на каждого.

В данном случае беженцы действовали вместе с местной властью, а иначе они бы вообще не смогли ничего добиться, т.к. НКВД предписывал «не допускать образования различных беженских комитетов и самозванных уполномоченных, вносящих в дело вредную путаницу и злоупотребления. Никакие лица и группы, подобные этим, не могут признаваться в качестве официальных. Достаточно смешанной русско-польской комиссии» [2, д. 90]. Всего из Жиздринского уезда в Польскую республику в сентябре 1921 г. удалось отправить 292 уроженца Гродненской губернии. В Латвийскую республику в июне 1921 г. отправили 16 человек, всего 308 [4, д. 4]. На конец 1921 г. в уезде оставалось для отправки в Польскую республику 111 человек, в Латвийскую – 159, в Литовскую – 12; всего – 182 человека [Там же, д. 2].

В сентябре 1921 г. Центрэвак вынужденно осуществлял внеочередные отправки беженцев – уроженцев территорий, отошедших к Польской республике, размещённых в Поволжье. Так, на 24 сентября 1921 г. были выделены вагоны для одной тысячи человек из Саратовской губернии. В губерниях Центра России развернулась

борьба между беженцами, расселёнными в городах и уездах, за первоочередную отправку. Например, беженец Корнилий Которов, уроженец Холмской губернии, находившийся до 1921 г. в Бузулукском уезде Самарской губернии, описал свои мытарства по пути на родину в письме, адресованном Тамбовскому Губэваку. С большим трудом купив лошадь, беженец выехал в мае из Самарской губернии, через восемь недель пути лошадь пала, не доехав до Тамбова. Добравшись до губернского центра, семья Которова из 7 душ разместилась в сарае Губэвака. В октябре сарай понадобился учреждению для хранения картофеля, кроме того, стало холодно жить там без отопления, *поэтому* глава семьи как городской бездомный просил отправить их на родину в первую очередь [10, д. 269, л. 7].

На 25 и 30 октября 1921 г. был назначен отъезд двух тысяч беженцев из г. Тамбова, но им вдруг объявили, что вначале отправят беженцев из уездов. Городские беженцы доказывали, что условия проживания в городе несравненно хуже, чем в сельской местности, кроме того, 600 из 2 тысяч городских беженцев проживали в 20 вагонах, «крайне нужных для республики». Губэвак в данной ситуации ссылался на решение Центрэвака [Там же, л. 2, 3].

Всего по России за 1921 г., по данным Центрэвака, в Польшу было отправлено 490 179 беженцев, в Латвию и Литву – 164 742, в Эстонию – 31 128, всего в Прибалтику – 195 870. Итого – 686 049 [Там же, д. 85, л. 51].

Таким образом, в 1921 г. плановая отправка в Прибалтийские государства происходила темпами, неадекватными условиям, в которых находилось беженское население, когда голод и эпидемические болезни буквально косили его. Военнослужащие Красной армии из Прибалтийских республик не допускались до регистрации и не включались в эшелонные списки для последующей эвакуации, а бывших военнослужащих, работавших в советских учреждениях, просто не оповещали об отправках. После прекращения регистрации беженцам запрещалось выезжать в соответствующие иностранные представительства в Москве по делам реэвакуации. Не рассчитывая на скорую отправку, беженцы *самовольно* снимались с мест, где их ничто не удерживало, и двигались на запад, тем более что военные действия закончились. Власть не смогла эффективно противодействовать этому процессу. Перерегистрация беженцев – уроженцев Западной Белоруссии и Украины, территорий, отошедших по мирному договору от 18 марта 1921 г. к Польше, проведённая весной-летом 1921 г., показала наличие во внутренних губерниях Европейского Центра лишь половины зарегистрировавшихся в 1918 г. Примерно у 7% из них не было документов, подтверждавших их беженский статус, которые требовала польская сторона. Беженцы из городов и сельской местности оспаривали между собой право быть отправленными в первую очередь. При этом Центрэвак вынужденно нарушал установленную им же зональную очерёдность реэвакуации в связи с голодом, постигшим житницу России – Поволжье, что ещё больше задерживало отправку беженцев из центральных губерний европейской части России, также пострадавших от голода 1920-1921 гг.

Список литературы

1. Государственный архив Калужской области (ГАКО). Ф. Р-162. Оп. 1.
2. ГАКО. Ф. Р-337. Оп. 1.
3. ГАКО. Ф. Р-1796. Оп. 1.
4. ГАКО. Ф. Р-2250. Оп. 1.
5. Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-378. Оп. 1.
6. ГАОО. Ф. Р-1766. Оп. 1.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-3333. Оп. 1.
8. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 1 а.
9. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 3.
10. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 4.
11. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 7.
12. ГАРФ. Ф. Р-3333. Оп. 23.
13. Даты жизни и деятельности В. И. Ленина: 6 ноября 1920 – 7 марта 1921 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 42.
14. Даты жизни и деятельности В. И. Ленина: 8 марта – 21 июня 1921 // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд-е 5-е. М.: Издательство политической литературы, 1970. Т. 43.
15. Документы внешней политики. М., 1959. Т. 3.
16. Лахарева Н. В. Реэвакуация беженцев Первой мировой войны с территории Курской губернии: 1918-1925. Курск, 2001.
17. Поляков Ю. А. Советская страна после окончания Гражданской войны: территория и население. М., 1986.
18. Утгоф В. С. Белорусские беженцы Первой мировой войны в 1914-1922: дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003.

FIRST WORLD WAR REFUGEES' SITUATION IN SOVIET RUSSIA: 1921

Irina Borisovna Belova, Ph. D. in History
Department of Native History
Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovskii
irina-25.01@mail.ru

The author analyzes the First World War refugees' situation in the central part of European Russia during the first year after the Civil War by the materials of central and regional archives new sources, for the first time covers the major disadvantages of evacuation process organization as one of the reason of refugees' masses spontaneous movement, and discusses central authorities' practice to counter the unauthorized movement of newly arrived refugee population and its failure.

Key words and phrases: First World War refugees; central department of population evacuation; planned re-evacuation; spontaneous movement; refugees demobilized from the Red Army; famine; epidemics.